

Празднование Дня отмены калыма в советском Казахстане

Е. А. Боголюбов

В 1920-е гг. в Казахской АССР существовал уникальный праздник – День отмены калыма. Его учредили в память о принятии декрета, запрещающего уплату и получение калыма. Праздник был учрежден 11 декабря 1923 г. и отмечался до начала 1930-х гг. Основными формами праздничных мероприятий стали демонстрации, митинги, собрания, театральные представления. Чтобы донести до населения основные идеи Дня отмены калыма, советские и партийные органы проводили агитацию на национальных языках. На татарском, казахском, башкирском языках ставились спектакли, выпускались брошюры и газеты. В честь праздника даже была проведена амнистия женщин. Все эти мероприятия организовывались и в Международный день работниц. Отличительной особенностью Дня отмены калыма стали показательные судебные процессы по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта. К 8 марта также были приурочены судебные разбирательства, однако они касались алиментов, побоев в семье и других аспектов семейной жизни.

Ключевые слова: раскрепощение женщин, советский Казахстан, советская Средняя Азия, советская национальная политика, пережитки родового быта, советские праздники, женский вопрос, Международный день работниц, гендерные исследования.

Для цитирования: Боголюбов Е. А. Празднование Дня отмены калыма в советском Казахстане // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 28–45. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_28. EDN: BLYIRL

Введение

День отмены калыма стал важным шагом в формировании новой культурной идентичности в советском Казахстане, поскольку в этом празднике отражались ценности и идеалы советского общества. Анализ праздника поможет выявить, как советская власть использовала его для политической пропаганды. Исследуя советскую праздничную культуру, включая День отмены калыма, можно увидеть, как местные традиции интегрировались в более широкий контекст глобальных и региональных изменений в социальной, экономической и культурной сфере.

День отмены калыма практически не изучался в исторической науке. Лишь Ж. Кундакбаева, используя архивные материалы, рассказывает о проведении праздника и вводит в научный оборот новые источники по этой теме [1]. Организация Международного дня работниц 8 марта в Средней Азии освещается в работе Л. А. Тульцевой [2], отдельные сведения представлены в труде Б. П. Пальвановой [3]. В обоих исследованиях о Дне отмены калыма есть лишь незначительные упоминания. Г. Алпыспаева, Ш. Саяхимова отмечают важность праздников, посвященных эмансипации женщин, в антирелигиозной кампании в Казахстане [4].

Целью данного исследования является рассмотрение празднования Дня отмены калыма в советском Казахстане в 1920-е гг. Задача – выявление хронологических рамок существования праздника; установление основных форм праздничных мероприятий; определение отличительных особенностей празднования Дня отмены калыма от Международного дня работниц.

В основе методологии исследования лежит теория модернизации, позволяющая проанализировать изменения в общественной жизни, вызванные политическими преобразованиями в стране. Советский праздник, по мнению М. Рольфа, выполнял несколько функций. Он популяризировал политические идеи, манипулировал людьми, а также был каналом проведения политики режима в жизнь. Праздники должны были отличаться от будней и быть частью символической политики государства. М. Рольф подчеркивает, что советские праздники были коммуникативным пространством, где встречались режим и его подданные. Э. Кустова, И. Пронина и Р. Бёрд также изучали советские праздники. Они отмечали важность места

проведения праздника и подчеркивали обращенность праздника в будущее [см. подробнее: 1, с. 89–91].

Исследование основано на документах из Объединенного государственного архива Оренбургской области. В директивных указаниях, отчетах, докладах, тезисах и инструкциях содержится информация о проведении Дня отмены калыма в Оренбургской губернии в 1924 и 1925 гг. [5; 6]. Ценные сведения об организации и ходе праздника в последующие годы представлены в опубликованных архивных документах [1] и в сборнике «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.)» [7]. Акты об амнистии позволили показать, что освобождение от уголовного наказания также было неотъемлемой частью празднования Дня отмены калыма и Международного дня работниц [8].

Таким образом, при проведении исследования были использованы как опубликованные, так и впервые введенные в научный оборот материалы. Источниками послужили различные виды документов, начиная от отчетов о проведении праздника и заканчивая постановлениями об амнистии. Все эти документы были составлены представителями советских или партийных органов. Эти лица могли искажать реальные события празднования, например завышать участие женщин в мероприятиях или сообщать о заинтересованности местного населения в отмене калыма. К сожалению, другой взгляд на праздник не дошел до наших дней, голоса женщин, которых «раскрепощали», не зафиксированы в источниках. О Дне отмены калыма мы знаем исключительно с точки зрения органов власти.

Хронологические рамки существования Дня отмены калыма

Обсуждение отмены калыма началось с момента образования Киргизской АССР (далее – КАССР). Учредительный съезд советов КАССР проходил с 4 по 12 октября 1920 г. На нем была принята резолюция по организации советской юстиции, в которой было сказано, что лица, уплатившие калым, лишаются права судебной защиты [9, с. 99]. Такая формулировка подразумевала, что вернуть калым в судебном порядке будет нельзя. 28 декабря 1920 г. ЦИК и СНК КАССР приняли декрет об отмене калыма. Именно к этой дате будет приурочен праздник – День отмены калыма.

В научной литературе нет единого мнения о времени его возникновения. Ж. Кундакбаева сначала указывает, что День отмены калыма в 1924 г. праздновался во второй раз [1, с. 42]. Затем она пишет, что праздник появился в 1924 г. [1, с. 85, 95]. С этой датой согласны и другие ученые [2, с. 13; 10, с. 22]. Другие авторы отмечают, что постановление о праздновании Дня отмены калыма было принято Президиумом КазЦИК в декабре 1923 г., правда тогда он назывался «Красным пиром киргизок» [7, с. 80–81].

День отмены калыма действительно был учрежден в 1923 г., но тогда он назывался иначе. 11 декабря 1923 г. Киргизский ЦИК в ознаменование раскрепощения женщины-киргизки и отмены калыма установил в республике празднование Дня освобождения киргизской женщины от пут вековых обычаев [11].

В Объединенном государственном архиве Оренбургской области сохранился отчет о проведении Дня освобождения киргизки. Из него следует, что праздник проходил в конце декабря 1923 г. Информация о совещаниях и демонстрациях размещалась в газетах и направлялась на предприятия и в учреждения. 26 декабря 1923 г. в Оренбурге было проведено делегатское собрание, на котором присутствовал 31 человек. Там был заслушан доклад о значении этого дня. 30 декабря состоялась демонстрация, в которой приняло участие 200 женщин [5, л. 2].

День освобождения киргизки можно рассматривать как предшественник Дня отмены калыма. Оба праздника проводились в одно время (декабрь-январь), поскольку были символически связаны с датой отмены калыма в КАССР. В лозунгах ко Дню освобождения киргизки уже были записаны слова о калыме: «Труженицы-киргизки, свяжите день 1-го января с упорной работой по уничтожению “калыма” и “многоженства”», «Девушка-киргизка, советская власть не позволит тебя больше продавать и покупать, так долой же позорный “калым”». Помимо этого, там были лозунги об искоренении многоженства и призывы вступать в партию, комсомол [5, л. 3].

Связь Дня освобождения киргизки и Дня отмены калыма прослеживается и в тезисах к празднованию последнего: «По постановлению Киргизского трудящиеся массы КССР будут праздновать 1-го января отмену “Калыма”, отмечая его, как день освобождения тружениц киргизок, как день протеста против варварских пережитков» [5, л. 4 об.]. В 1924 г. в плане

проведения мероприятия этот праздник одновременно называется Днем отмены калыма и многоженства и Днем киргизки [5, л. 12–12 об.]. Даже в 1926 г. лозунги писались ко Дню освобождения киргизки [1, с. 239].

Ж. Кундакбаева указывает, что праздновать День отмены калыма начали лишь в 1926 г., хотя учредили его в 1924 г. [1, с. 95]. Скорее всего, предположение о начале празднования она сделала на основе архивных документов, однако такая датировка является неверной. В Объединенном государственном архиве Оренбургской области сохранились материалы, касающиеся празднования Дня отмены калымы в 1924 и 1925 гг. Празднование занимало несколько дней и было целой кампанией. В 1927 г. День отмены калыма отмечался с 1 января по 15 января [1, с. 246–247].

С 1923 г. в Казахстане праздновался Международный день работниц 8 марта. Ж. Кундакбаева полагает, что празднование носило в Казахстане формальный характер и не имело отклика у населения, поскольку праздничный канон был разработан для России [1, с. 91–92]. Уже через несколько лет после учреждения Дня отмены калыма его стали совмещать с Международным днем работниц. В 1926 г. и 1927 г. некоторые уезды приурочили кампанию Дня отмены калыма к 8 марта, поэтому отмене калыма было уделено меньше внимания [1, с. 283, 259].

В 1928 г. День отмены калыма был совмещен с празднованием 8 марта и проводился как завершение кампании Международного дня работниц – 22 марта. Перенос праздника с 1 января на 22 марта был связан с тем, что в том году на этот день пришлось окончание мусульманского поста Рамадан и начало Науруза (нового года). По мнению Паулы Майклс, связав дату религиозного празднования с запретом на калым, советское правительство попыталось придать этому празднику новый, антирелигиозный смысл [12, р. 496].

По одной из версий, День отмены калыма отмечался в Казахстане до 1930-х гг. [7, с. 80–81]. Ж. Кундакбаева полагает, что с 1928 г. День отмены калыма перестает праздноваться, поскольку угас интерес к женским проблемам [1, с. 109]. Однако упоминание о Дне отмены калыма можно встретить в документах начала 1930-х гг. В 1931 г. в рамках кампании празднования 8 марта проводились показательные судебные процессы

по делам о многоженстве и калыме [7, с. 246]. В 1932 г. в рамках одной кампании отмечались Международный женский день (8 марта) и День отмены калыма (22 марта). О калыме в тезисах к этим праздникам было сказано лишь то, что нужно «вести борьбу за полное выкорчевывание пережитков феодализма (в быту – калыма и многоженства и т. д.)» [13, с. 4]. В тезисах 1933 г. упоминание о калыме осталось лишь в заголовке [14]. Все это говорит о том, что в начале 1930-х гг. День отмены калыма уже был связан с Международным днем работниц и занимал незначительное место в праздновании 8 марта.

Торжественные мероприятия в День отмены калыма

В планировании и организации праздника было задействовано множество партийных и советских органов. 12 декабря 1924 г. в Оренбурге состоялось расширенное совещание комиссии по проведению Дня отмены калыма. На нем присутствовали представители от учреждений культуры, медтехникума, рабфака, совпартшколы, опытно-показательной школы, обкома и губженотдела. На совещании было решено провести 1 января торжественное заседание с концертом и спектаклем, для чего предлагалось забронировать три клуба и один кинотеатр. Проведение концертов и спектаклей решено было возложить на учащихся, поэтому они должны были в срок до 25 декабря направлять в областной отдел работниц программу мероприятий. Для учащихся, которые уедут на праздники домой, ячейки РЛКСМ должны были до 28 декабря провести собрания с освещением вопроса о Дне отмены калыма [5, л. 7]. Схожим образом проходила организация праздника в Акмолинской губернии в 1926 г. [1, с. 99].

В помощь организаторам Дня отмены калыма от органов власти КАССР направлялись тезисы докладов, которые использовались как основа для публичных выступлений [1, с. 101–105; 5, л. 4–4 об.]. Порой документы доходили до мест с большим опозданием. Так, Джетысуйский губженотдел сообщал, что о проведении двухнедельника в честь Дня отмены калыма в 1927 г. в некоторых уездах узнали с запозданием лишь 9 января и то из газет. Тезисы к празднику, план его проведения пришли уже в феврале [1, с. 259]. Схожая ситуация произошла в 1928 г., когда циркуляр о праздновании 8 марта был получен

Костекским виком 15 мая [15, с. 308]. Возможно, по этой причине празднование переносилось на другие даты [1, с. 98].

Одной из форм празднования Дня отмены калыма были митинги, собрания, демонстрации. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует проводить широкие собрания женщин [5, л. 6–6 об.]. В отчетах с мест всегда подчеркивалось число участников демонстраций, отдельно отмечалось количество женщин, принявших участие. В отчете отдела работниц Казкрайкома РКП (б) за 1924–1925 г. говорилось, что в демонстрациях по случаю Дня отмены калыма в 1924 г. приняли участие 3896 казашек, 608 русских, 772 мужчин [1, с. 42]. В 1925 г. в Орском уезде в пяти аулах Кумакской волости на собраниях присутствовало 540 женщин и 146 мужчин [5, л. 22 об.].

К Дню отмены калыма были приурочены и другие торжественные мероприятия. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует открывать показательные учреждения, раскрепощающие женщину, через местные советские и хозяйственные органы [5, л. 6–6 об.]. Народный комиссариат просвещения рекомендовал приурочить к 1 января 1925 г. открытие ликпунктов для казашек [6, л. 1].

В Акмолинской губернии в 1926 г. к празднику приурочили открытие четырех женуголков на местах, в Кокчетавском уезде открывали ликпункты, создавали фонды на открытие яслей и уголков для женщин, в Октябрьской волости на открытии уголка для женщин присутствовало 23 женщины. В Петропавловском уезде был открыт уголок казахской женщины при Бенеткорской избе-читальне. В г. Кокчетав празднование началось 1 января с экскурсий казашек в дома матери и ребенка. Там для них была подготовлена выставка «уход за ребенком» [1, с. 106–107]. Медицинские работники должны были рассказывать женщинам о гигиене и уходе за ребенком [1, с. 97–98].

Помимо открытий к празднику были приурочены выпускные из учреждений. В 1926 г. к Дню отмены калыма был приурочен выпуск казашек из ликпункта [1, с. 108].

Важной составляющей празднования Дня отмены калыма было вовлечение женщин в партию. В Казахстане к середине 1925 г. женщины составляли 9,2 % всех кандидатов в члены партии республики. К 1926 г. в 935 ячейках ВКП(б) женщин-коммунистов было 189 (всего – 16 226), кандидатов – 475 [16,

с. 27]. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует «передать в РКП(б) и РЛКСМ активисток женщин-казашек» [5, л. 6–6 об.].

В отчете отдела работниц Казкрайкома РКП (б) было сказано, что в 1924 г. в процессе празднования Дня отмены калыма в ряды РКП(б) вступило 11 женщин [1, с. 42]. В Кокчетавском уезде в 1926 г. к торжествам приурочили прием в комсомол двух девушек-казашек и одной татарки [1, с. 107]. Аналогичные случаи вступления в партию были и в дни празднования Международного дня работниц. В 1926 г. в Джаркентском уезде Семиреченской губернии в эти дни 39 женщин стали членами партии, а 29 девушек вступили в комсомольскую организацию [1, с. 92–93].

Проведение Дня отмены калыма сопровождалось и другими действиями, которые были связаны с внутрипартийной работой. Например, на заседаниях и собраниях давали торжественные клятвы и обещания. В 1925 г. в Орском уезде в ауле № 2 после доклада и спектакля жители аула «давали обещание крепко придерживаться декрета об отмене калыма» [5, л. 22 об.]. В Энбекширской волости Акмолинской губернии в 1926 г. казахскому делегатскому собранию было вручено знамя в честь закрепления смычки города с аулом. В ответном слове казашка сказала: «Мы в дальнейшем будем работать рука об руку и выполнять заветы Ильича». Такое заявление было сделано от лица 95 человек, присутствующих на собрании [1, с. 107].

Торжественные мероприятия совмещались с другими важными символическими действиями. В 1925 г. после спектакля в ауле № 3 Домбаровской волости Орского уезда были проведены коммунистические крестины. Мальчику дали имя Бостандык (Свобода) и приняли в ряды РЛКСМ [5, л. 23]. В Каширинске торжественное заседание 1 января 1925 г. закрылось пением Интернационала [5, л. 17].

При проведении Дня отмены калыма большое значение уделялось молодежи. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) прямо говорилось, что при проведении праздника следует особое внимание уделить участию комсомольцев и юных пионеров, «жизнь и быт которых являются примером для остальной подрастающей молодежи Казахстана» [5, л. 6–6 об.]. Реализуя поставленную задачу, областной отдел работниц в декабре 1924 г. возложил проведение праздника на учащихся и РЛКСМ [5, л. 7].

Устное и письменное слово

Еще одним публичным мероприятием в рамках Дня отмены калыма были театральные представления. Они могли посвящаться раскрепощению женщины, ее положению в семье и обществе. Например, 1 января 1925 г. в 1-м районе Оренбурга была поставлена пьеса «В рабстве калыма» на татарском языке [5, л. 26]. В 1925 г. в Орском уезде в ауле № 2 была поставлена пьеса «Алтын-Сакина» на казахском языке. На спектакле присутствовало 70 казашек и 50 мужчин. Перед спектаклем был прочитан доклад на тему «Отмена калыма и многоженства», состоялся вечер вопросов и ответов на тему пережитков родового быта и советского законодательства. Жители аулов высказались за дальнейшее проведение таких мероприятий [5, л. 22]. В ауле № 3 Домбаровской волости спектакль организовали местные жители-казахи. На нем присутствовало 80 женщин и 70 мужчин. Перед спектаклем также прочитали доклад, заслушали приветствия от РКП(б), РЛКСМ и советских органов [5, л. 23].

К сожалению, название других спектаклей и их содержание установить не удалось. В документах лишь отмечается, что спектакль был поставлен, и не указывается иной информации. В 1926 г. в Атбасарском уезде Акмолинской губернии после массового собрания казашек по случаю Дня отмены калыма были поставлены спектакли [1, с. 107]. Спектакли организовывали как местные жители, так и приезжие. В аул № 2 Орской волости к организации спектакля привлекли любителей драматического искусства [5, л. 22–23]. В 1926 г. в Петропавловске курсантки совпартшколы выезжали в подшефный им аул, где поставили спектакль [1, с. 107]. Участие местных жителей и постановка спектаклей на местных языках (казахском или татарском) позволяло доносить информацию о борьбе с пережитками прошлого до местных жителей на понятном им языке.

В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует широко использовать местную печать для популяризации идей освобождения женщин [5, л. 6–6 об.]. Информация о пережитках прошлого начала печататься уже в 1924 г. Тогда было решено отпечатать 1 тыс. экземпляров воззвания с положением декрета об отмене калыма. Воззвание печаталось на казахском языке и распространялось среди местного населения [5, л. 12]. В январе 1925 г. в Орском уезде было отпечатано 1 тыс. экзем-

пляров воззвания на казахском языке. Для татар и башкир были напечатаны отдельные циркуляры [5, л. 22]. К празднику 1926 г. в Акмолинской губернии был выпущен специальный номер газеты на казахском языке «Бостандык туы» и страничка в газете «Мир труда», в Кокчетавском уезде все материалы к празднику были переведены на казахский язык. Праздник сопровождали листовки на казахском и татарском языках [1, с. 106–107].

Последние номера женского журнала «Әйел теңдігі» за 1926 г. были целиком посвящены празднику [1, с. 160]. В клубах предлагалось выпустить специальные номера стенгазет, в библиотеках – организовать выставки произведений печати. Все это должно было быть посвящено отмене калыма и многоженства [1, с. 98].

Народный комиссариат просвещения КССР рекомендовал к Дню отмены калыма в 1925 г. провести в деревнях и аулах при избах-читальнях и народных домах «трудовые вечера». На них нужно было собрать казашек с домашней работой (пряжей, шитьем, вязанием) и читать им газеты и журналы «Крестьянка» и «Коммунистка», проводить беседы [6, л. 1].

Советской власти приходилось в буквальном смысле находить общий язык с местным населением. Спектакли были наиболее доступной формой донесения идей раскрепощения женщин. Брошюры, листовки, воззвания печатались большими тиражами, но их целевая аудитория (женщины) не умела читать. Грамотность женщин восточных национальностей Туркестана к 1924 г. все еще не превышала 2 % [3, с. 49]. В ноябре 1924 г. в Туркменистане насчитывалось всего несколько десятков грамотных женщин [7, с. 340]. Перепись населения 1926 г. установила грамотность туркменок и узбечек в 0,1 % [7, с. 391]. На этом фоне в Казахстане дела обстояли гораздо лучше. По переписи 1926–1927 гг., средний процент грамотности женщин Казахстана составляет 11,8 %, в том числе: процент грамотности женщин в городах – 36 %, в аулах, кишлаках и селах – 6,7 %, процент грамотности аульных казашек – 5,6 % [7, с. 424]. Но и эти данные показывают, что печатная агитация чаще всего не доходила до женщин.

Амнистия женщинам в ознаменование отмены калыма

Празднование Международного дня работниц в 1920-е гг. часто сопровождалось объявлением амнистии для женщин. Так,

5 марта 1923 г. ВЦИК принял постановление, допускающее применение условно-досрочного освобождения для женщин в отступлении от ст. 55 Уголовного и ст. 473 Уголовно-процессуального кодекса [8, с. 100–101]. 21 марта 1923 г. схожее постановление было принято Всеукраинским ЦИК [8, с. 155–156], 28 марта 1923 г. – Азербайджанским ЦИК [8, с. 186–187]. 22 февраля 1924 г. ЦИК СССР принял постановление об амнистии для женщин, которые отбыли половину и более от срока наказания. Распределительные комиссии могли выступать с предложениями об условно-досрочном освобождении женщин, которые еще не отбыли половину срока [8, с. 58]. Это приводило к тому, что не все такие ходатайства удовлетворялись. Например, в Кургане было предложено освободить 12 женщин, но пятерым из них было отказано в условно-досрочном освобождении [17, с. 267].

«В целях ознаменования 1 января – “дня отмены калыма”, великого события для КАССР и в жизни киргизской женщины», в конце декабря 1924 г. было принято постановление Киргизского ЦИК об амнистии женщинам. Согласно документу, от наказания освобождались все женщины КАССР без различия национальностей, если они были осуждены судами республики до 1 января 1925 г. к принудительным работам или к лишению свободы на сроки не свыше трех лет. Также были прекращены все не рассмотренные судами дела в отношении женщин, если они совершили преступление до 1-го января 1925 г. и максимальное наказание за эти преступления не превышало трех лет лишения свободы. Кроме того, судам предоставлялось право возбуждать при вынесении приговоров вопрос о применении амнистии в отношении других женщин с целью понижения наказания в пределах трех лет. Отдельно указывалось, что действие настоящей амнистии не распространяется на женщин, совершивших преступления, предусмотренные отдельными статьями УК РСФСР (статьи 57–73, 76, 85, 111, 114, 119, 130, 170, 171, 180а, 184, 197 и 213). Амнистия не покрывала наложенные на осужденных женщин в качестве наказаний имущественные взыскания [8, с. 293–294]. Это постановление Киргизского ЦИК было утверждено ВЦИК 12 января 1925 г. [18, с. 198].

Оренбургский губернский суд 15 апреля 1925 г. составил отчет о делах, прекращенных в силу амнистии женщинам в ознаменование отмены калыма. В результате применения

амнистии было прекращено производство по уголовным делам в отношении 815 женщин: из них 286 были крестьянками, 86 – мещанками, 13 – казашками, 4 – служащими, 2 – торговками, 30 – батрачек и работниц, 376 – прочих (лица неизвестного социального происхождения). Больше всего было прекращено дел по следующим статьям: ст. 140–109 женщин, ст. 140-б – 93, ст. 140-г – 255 (ст. с 140 и до 140-г касаются преступлений, связанных с незаконным оборотом спиртных напитков), ст. 172 (оскорбление) – 92 [5, л. 29].

Показательные судебные процессы

Отличительной особенностью Дня отмены калыма от 8 марта было проведение показательных судебных процессов. Ж. Кундакбаева считает, что показательные судебные процессы являлись главным символическим действием в День отмены калыма [1, с. 93]. В циркуляре Казкрайкома РКП(б) говорилось, что в рамках праздника следует ставить пьесы, проводить показательные судебные процессы, освещать новое и старое отношение к женщине [5, л. 6–6 об.].

Показательные судебные процессы в День отмены калыма проводились по всему Казахстану. В 1926 г. к празднику 8 марта были приурочены показательные суды по борьбе с калымом (один в г. Алма-Ата, три показательных процесса в Джаркенте, один в Алматинском уезде) [1, с. 93]. В г. Петропавловске была показана инсценировка «суд по калымному делу». В Акмолинском уезде в ряду символических торжеств была инсценировка «суд над калымом, где присутствовало много женщин и мужчин» [1, с. 107].

Проведение показательных судебных процессов возлагалось на судебных работников. В циркуляре Наркомата юстиции КССР от 12 января 1925 г. было сказано, что если «судебные работники, являющиеся единственной культурной силой деревни и аула, осознают в полном объеме свою роль и пойдут в самую гущу населения с живым словом, то цель наша будет достигнута». Наркомюст предписывал губернским судам тщательно продумать план пропаганды и агитации и согласовать его с местными организациями и женотделами. Судебные работники должны были пользоваться «всяким удобным случаем, чтобы в простой и душевной беседе с трудящимися раскрыть их глаза на истинное положение вещей», использовать каждое

собрание или скопление людей для этого, выступать с докладами по бытовым преступлениям. Только при частой и планомерной работе возможно было пошатнуть устоявшийся взгляд на бытовые пережитки [5, л. 18 об.].

Наркомюст видел в судебных работниках проводников советской политики в вопросах раскрепощения женщин и борьбе с бытовыми пережитками. Судебным органам рекомендовали «по возможности назначать и заканчивать к слушанию во время кампании дела по бытовым преступлениям, имеющимся в производстве судебно-следственных органов», проводить выездные сессии в аулах и районах, где имеются красные юрты, предварительно уведомляя об этом население [1, с. 98].

В таких процессах следовало делать акцент на классовой линии. Наркомюст считал, что при вынесении решений по бытовым пережиткам к бедняцкому населению следует относиться снисходительно, поскольку они совершали бытовые преступления в связи с «малоосознанностью и вековым подчинением трудовых киргиз традициям и обычаям более сильных экономических групп». К кулакам и баям следовало относиться гораздо строже, «чтобы своими приговорами разбить ту враждебную нашему течению группировку». Суду следовало всякий раз обращать внимание на имущественное и социальное происхождение преступника, выявлять его роль и место среди односельчан [5, л. 19].

Отправлением правосудия должны были заниматься не только судебные работники. В декабре 1926 г. Наркомюст КССР рекомендовал судебным органам привлекать женщин-казашек к участию в процессах по бытовым преступлениям. Они могли участвовать в качестве народных заседателей или же быть общественными обвинителями. Для этого прокурорским работникам было рекомендовано предварительно подготовить женщин к выступлениям [1, с. 101, 235].

Показательные судебные процессы должны были стимулировать местных женщин активнее обращаться в советские органы власти за защитой. В материалах к Дню отмены калыма в Казахстане от 6 декабря 1925 г. говорилось, что успех борьбы с калымом непосредственно связан с участием казашек: они должны обращаться в суд с жалобами на калым, становиться народными заседателями, быть членами советов, делегатками. Такая актив-

ность должна была способствовать формированию самостоятельности и чувства собственного достоинства [1, с. 233].

В обращении ЦИК Казахской АССР к женщинам в День отмены калыма от 1 января 1926 г. было сказано, что казахские женщины сами должны следить за тем, чтобы пережитки родового быта были искоренены. Женщинам предлагалось сообщать о бытовых преступлениях судье, следователю, прокурору, в милицию или ближайшему другому советскому органу, ведь только «при помощи казахских женщин эти преступления будут Советской властью прекращены навсегда» [7, с. 80–81].

Такие воззвания порой увенчивались успехом. Так, в 1925 г. после проведения праздника в Орском уезде Оренбургской губернии несколько женщин обратилось с заявлениями на своих родственников, обвиняя их в совершении бытовых преступлений. В Куманской волости женщина обвинила своего брата, что тот отдает свою сестру замуж за шесть голов скота. В Орской волости девушка просила спасти ее от насильственной выдачи замуж. От калыма страдали не только женщины, но и мужчины, которые несли материальные расходы, связанные с выкупом невесты и организацией свадьбы. Это приводило к тому, что и казахи обращались в судебные органы. К примеру, в Домбаровской волости с заявлением обратился мужчина, который жаловался, что его невесту родители повторно просватали за бая [5, л. 22–23].

При организации показательных судебных процессов отмечалось, что «дела, касающиеся правовой защиты женщин, действительно халатно и небрежно рассматриваются судебными органами, залеживаясь под судейским сукном по 3–4 года» [1, с. 99]. Проведение показательных процессов должно было подтолкнуть судебных работников к оперативному разрешению накопившихся дел.

Халатность и небрежность в отношении дел о пережитках родового быта проявлялась и в праздничные дни. Например, в День отмены калыма был назначен показательный процесс о калыме, но ввиду того, что милиция виновного не представила, суд пришлось отложить [1, с. 378]. Даже к празднику органы советской юстиции не могли работать слаженно.

Одновременно с проведением судебных процессов органы советской юстиции должны были выступать с докладами по семейно-брачному праву, проводить консультации населения

по вопросам отмены калыма и других пережитков родового быта, освещать в прессе и стенгазетах вопросы судебной практики по бытовым делам. Работники учреждений матмлада должны были популяризировать законодательство об охране матери и ребенка [1, с. 97–98]. В циркуляре Наркомздрава от 29 декабря 1926 г. указывалось на необходимость организации юридической консультации при детских учреждениях [1, с. 100].

В 1928 г. День отмены калыма был совмещен с празднованием 8 марта, но сохранил свою специфику. В двух губерниях Казахстана было проведено 59 показательных процессов, половину из которых составляли калымные дела [7, с. 229]. На 8 марта и в последующем проводили судебные процессы. В 1928 г. к 8 марту Курганский окружной суд разработал целую программу по правовой пропаганде женского населения. Планировалось провести показательные судебные процессы «дел бытовых», т. е. про «побои и истязания женщин» в семье, а также про изнасилования [17, с. 263]. В 1932 г. в Таджикистане в этот день было проведено четыре показательных судебных процесса [3, с. 187].

Приведенные примеры показывают, что показательные судебные процессы 8 марта и в День отмены калыма отличались тематически. В День отмены калыма акцент был сделан на преступлениях, связанных с пережитками родового быта. Чаще всего проводились процессы по делам об уплате и получении калыма. 8 марта судебные процессы тоже проводились, однако они уже показывали положение женщины в семье, нарушение ее прав со стороны мужа, например неуплату алиментов.

Обсуждение и выводы

День отмены калыма был учрежден 11 декабря 1923 г. Тогда он назывался День освобождения киргизки. Ж. Кундакбаева считает, что «учитывая культурную специфику Казахстана, московские эксперты разработали праздник, более близкий и понятный казахам» – День отмены калыма [1, с. 95]. При этом она ничем не обосновывает, что праздник был разработан в Москве и спущен оттуда в Казахстан. Но, действительно, праздник оказался уникальным, ведь в других среднеазиатских республиках его не отмечали. День отмены калыма был преимущественно посвящен борьбе с бытовыми пережитками. Другие элементы раскрепощения женщин (ликвидация безграмотности, внедрение

новых правил гигиены, вовлечение женщин в партию и советские органы власти) были на втором плане, поскольку о них больше говорили при праздновании Международного дня работниц.

В 1928 г. День отмены калыма был совмещен с Международным днем работниц и в таком сочетании просуществовал до 1933 г. Основными формами праздничных мероприятий были митинги, демонстрации, собрания, торжественные открытия учреждений, вступления женщин в партию и комсомол, постановка спектаклей. Эти события широко освещались в прессе на национальных языках. В декабре 1924 г. была проведена амнистия женщин в ознаменование отмены калыма. Такие мероприятия проводились и в Международный женский день. Отличительной особенностью празднования Дня отмены калыма являлись показательные судебные процессы по преступлениям, связанным с пережитками родового быта. Особое внимание уделялось делам о калыме.

Список литературы

1. Кундакбаева Ж. Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920–1930 годы. Алматы: Қазақ университеті, 2017. 412 с.
2. Тульцева Л. А. Из истории борьбы за социальное и духовное раскрепощение женщин Средней Азии (празднование 8 Марта, 1920–1927 гг.) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 12–22. EDN: YKYEXT
3. Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М.: Наука, 1982. 304 с.
4. Alpyspaeva G., Sayakhimova S. Gender Dimension of Anti-Religious Policy in Kazakhstan in 1920–1930s // Вестник КазНУ, Серия Религиоведение. 2022. Т. 31. № 3. С. 29–35.
5. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 569.
6. ОГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 832.
7. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов / ред. коллегия: З. А. Астапович (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1971. 463 с.
8. Амнистия и помилование в СССР / сост. К. Я. Драгомирецкая; Авт. I раздела книги и сост. II–V разделов чл.-корр. Акад. наук СССР П. С. Ромашкин. М.: Госюриздат, 1959. 364 с.
9. Учредительный съезд советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы / под ред. и со вступительной статьей Е. Г. Федорова. Алма-Ата – М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. 127 с.
10. Лобанов В. Б., Ищенко М. Г. Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР (1920–1925 гг.) // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72–7. С. 20–23. EDN: OTTWTL
11. День освобождения киргизской женщины // Известия. 1923. № 285. С. 3.
12. Michaels P. A. Medical Traditions, Kazak Women, and Soviet Medical Politics to 1941 // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. No. 3. Pp. 493–509.
13. Тезисы доклада «Международный коммунистический женский день 8 марта и день отмены калыма 22 марта». Алма-Ата: гостип. № 2 Полиграфтреста, 1932. 4 с.

14. Материалы для докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню 8 марта и Дню отмены калыма. Алма-Ата: Б. и., 1933. 8 с.

15. Ашаршылық. Голод. 1928–1934. Документальная хроника. Сб. док. Т. 1.: 1928–1929 / отв. ред. Б. Әбдіғалиұлы. Алматы, Атамұра, 2021. 920 с.

16. Аманжолова Д. А. «Женский вопрос» в 1920–1930-е гг. в советской национальной политике: некоторые проблемы изучения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 2 (47). С. 22–36. EDN: EGLKLS

17. Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение: монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2020. 284 с. EDN: LMODMI

18. Сапарғалиев М. С. История народных судов Казахстана. (1917–1965). Алма-Ата: Казахстан, 1966. 448 с.

Celebration of the Kalym Abolition Day in Soviet Kazakhstan

Egor A. Bogolyubov

In the 1920s, there was a unique holiday in the Kazakh ASSR – the Day of the Kalym Abolition. It was established in memory of the adoption of a decree prohibiting the payment and receipt of kalym. The holiday was established on December 11, 1923 and was celebrated until the early 1930s. Demonstrations, rallies, gatherings and theatrical performances have become the main forms of festive events. In order to convey to the population the main ideas of the Kalym Abolition Day, Soviet and party organs conducted agitation in national languages. Plays were staged in Tatar, Kazakh, and Bashkir languages, and pamphlets and newspapers were published. There was even an amnesty for women in honor of the holiday. All these events were organized on the International Day of Female Workers. A distinctive feature of the Kalym Abolition Day was the demonstrative trials in cases of crimes that constitute remnants of ancestral life. Court proceedings were also scheduled for March 8, but they concerned alimony, domestic violence and other aspects of family life.

Key words: women's liberation, Soviet Kazakhstan, Soviet Central Asia, Soviet national policy, remnants of ancestral life, Soviet holidays, women's issue, International Day of Female Workers, gender studies.

For citation: Bogolyubov, E. A. (2025) Prazdновanie Dnya otmeny kalyma v sovetskom Kazahstane [Celebration of the Kalym Abolition Day in Soviet Kazakhstan]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 28–45. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_28. EDN: BLYIRL

References

1. Kundakbaeva, ZH. (2017) *Modernizatsiya rannej sovetskoj epohi v sud'bah zhenshchin Kazahstana, 1920–1930 gody* [Modernization of the Soviet era in the days of women of Kazakhstan, 1920–1930]. Almaty: Kazakh university. (In Russ.)

2. Tultseva, L. A. (1986) Iz istorii bor'by za social'noe i duhovnoe raskreposhchenie zhenshchin Srednej Azii (prazdnovanie 8 Marta, 1920–1927 gg.) [From the history of the struggle for the social and spiritual emancipation of women in Central Asia (March 8, 1920–1927)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 1. Pp. 12–22. (In Russ.). EDN: YKYEXT

3. Pal'vanova, B. P. (1982) *Jemansipatsiya musul'manki. Opyt raskreposhheniya zhenshhiny Sovetskogo Vostoka* [The emancipation of the Muslim woman. The experience of emancipation of a woman of the Soviet East]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

4. Alpyspaeva, G., Sayakhimova, S. (2022) Gender Dimension of Anti-Religious Policy in Kazakhstan in 1920–1930s. *Vestnik KazNU, Seriya Religiovedenie* [Bulletin of KazNU, Religious Studies Series]. Vol. 31. No. 3. Pp. 29–35.

5. *Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [The United State Archive of the Orenburg region (hereinafter – OGAOO)]. F. 1. Op. 1. D. 569.

6. OGAOO. F. 4. Op. 1. D. 832.

7. (1971) *Velikij Oktyabr' i rasкрепoshchenie zhenshchin Srednej Azii i Kazakhstana (1917–1936 gg.)*: *Sbornik dokumentov i materialov* [Great October and the emancipation of women in Central Asia and Kazakhstan (1917–1936): A collection of documents and materials]. Ed. board: Z. A. Astapovich (editor) and others. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
8. (1959) *Amnistiya i pomilovanie v SSSR* [Amnesty and pardon in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.)
9. Fedorov, E. G. (ed.) (1936) *Uchreditel'nyi s'ezd sovetoв Kirgizskoj (Kazakskoj) ASSR. 4–12 oktyabrya 1920 g. Protokoly* [The Founding Congress of Soviets of the Kirghiz (Kazakh) ASSR. October 4–12, 1920. Protocols]. Alma Ata – Moscow: Kazakstan Regional Publishing House. (In Russ.)
10. Lobanov, V. B., Ishchenko, M. G. (2021) *Kirgizskaya Avtonomnaya Sovetskaya Socialisticheskaya Respublika v sostave RSFSR (1920–1925 gg.)* [Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic within the RSFSR (1920–1925)]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education]. No. 72–7. Pp. 20–23. (In Russ.). EDN: OTTWTL
11. (1923) *Den' osvobodheniya kirgizskoj zhenshchiny* [Kyrgyz Woman's Liberation Day]. *Izvestiya* [Izvestia]. No. 285. P. 3. (In Russ.)
12. Michaels, P. A. (1998) Medical Traditions, Kazak Women, and Soviet Medical Politics to 1941. *Nationalities Papers*. Vol. 26. No. 3. Pp. 493–509.
13. (1932) *Tezisy doklada «Mezhdunarodnyj kommunisticheskij zhenskij den' 8 marta i den' otmeny kalyma 22 marta»* [Abstracts of the report "International Communist Women's Day on March 8 and Kalyam Abolition Day on March 22"]. Alma Ata: gostip. № 2 Poligrafrestra. (In Russ.)
14. (1933) *Materialy dlya dokladchikov k Mezhdunarodnomu zhenskomu kommunisticheskomu dnyu 8 marta i Dnyu otmeny kalyma* [Materials for speakers on the International Women's Communist Day on March 8 and the Day of the Kalyam Abolition]. Alma Ata: B. I. (In Russ.)
15. (2021) *Asharshylyk. Golod. 1928–1934. Dokumental'naya hronika. Sb. dok. T. 1: 1928–1929* [Asharshylyk. Hunger. 1928–1934. Documentary chronicle. Collection of documents. Vol. 1: 1928–1929]. Editor-in-chief B. Abdigalievich. Almaty, Atamura. (In Russ.)
16. Amanzholova, D. A. (2024) «ZHenskij vopros» v 1920–1930-e gg. v sovetskoj nacional'noj politike: nekotorye problemy izucheniya [The “Women's Issue” in the 1920–1930 in Soviet national politics: some studying problems]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. No. 2 (47). Pp. 22–36. (In Russ.). DOI: 10.25693/SVG.V.2024.47.2.002. EDN: EGLKLS
17. Kozelchuk, T. V., Maslyuzhenko, D. N. (eds.) (2020) *Kurgan mezdu mirovymi voynami: antropologicheskoe izmerenie: monografiya* [Kurgan between the World Wars: an anthropological dimension: a monograph]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.). EDN: LMODMI
18. Sapargaliev, M. S. (1966) *Istoriya narodnyh sudov Kazakhstana. (1917–1965)* [The history of the people's courts of Kazakhstan. (1917–1965)]. Alma Ata: Kazahstan. (In Russ.)

Об авторе

Боголюбов Егор Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bogolubovegor@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9312-7793

About the author

Bogolyubov Egor A., Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bogolubovegor@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9312-7793

*Статья поступила в редакцию 14.05.2025
Одобрена после рецензирования 26.05.2025
Принята к публикации 05.06.2025*